

Светлана Романюк

*Не*УДАЧА
В НАСЛЕДСТВО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Иллюстрация на переплете ANNAISE

Дизайн обложки *Радия Фахрутдинова*

Романюк, Светлана Викторовна.
Р69 Неудача в наследство / Светлана Романюк. — Москва :
Эксмо, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-04-222251-1

Победитель конкурса Эксмо и Author.Today «Найди меня, если сможешь».

Спокойно и размеренно течёт время в провинциальной усадьбе. Взбаламутить уютное болотце привычной жизни может только что-то значительное, даже эпохальное. Но что считать таким событием? Приезд молодого, неженатого нового соседа? Разорение соседа старого? А может быть, убийство?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222251-1

© Романюк С., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

ИЗВЕСТИЕ

— Папенька стреляться собрался! — Звонкий мальчишеский голос разорвал густую тишину сада.

Аннушка обречённо вздохнула, захлопнула книгу, дочитать которую не удавалось уже неделю. Встала со скамьи и бросила взгляд в сторону сестры. Ольга лежала без сознания. Платье потрясённой известием страдальницы красиво разметалось по траве бело-розовым кружевным облаком. Андрей Дмитриевич, стоя на коленях, одной рукой поддерживал её за плечи, а другой прижимал узкую девичью ладошку к своей груди. Бледность его щёк резко контрастировала с ярким румянцем, заливающим щёки Ольги.

Аннушка задержала взгляд на подрагивающих ресницах сестры и подумала, что притворщица вряд ли будет благодарна, если она «приведёт её в чувство», нахлестав по щекам и вырвав из объятий кавалера.

— Андрей Дмитриевич, будьте добры, позаботьтесь об Ольге! И извините, но мне нужно скорее выяснить, о чём так неосторожно сообщил Николенька. Возмож-

но, с папенькой и впрямь случилась беда, — скороговоркой произнесла Анна.

— Конечно, вы можете на меня положиться, — серьёзно произнёс молодой человек. Выглядел он при этом крайне растерянным.

Анна кивнула, принимая его обещание, и пошла к дому.

Судя по вою, доносившемуся из кухни, Николенька со своей новостью уже добрался туда, и все дворовые слезно жалеют «почти сиротиночку» и пытаются сдобрить его горькую долю чем послаще.

«Этот своего не упустит!» — подумала Аннушка. В обычные дни склонному к полноте мальчишке не слишком часто перепадали ватрушки, пироги, варенье — словом, всё то, без чего жизнь становится слишком пресной. Он давно уяснил, что исключения в его рационе делаются либо когда его очень хвалят, либо когда его очень жалеют. Если с первым условием возникали проблемы, ведь хвалили его разве что в день рождения, да и то потому, что положено, а не потому, что заслужено, то второе условие выполнялось регулярно. Брат, действуя с отменной выдумкой, частенько оказывался в роли жертвы. То бешеные осы на него нападали, то не менее бешеные грабли, кем-то злобно оставленные на дворе. Стало быть, парнишке грех было бы не воспользоваться сегодняшней ситуацией, когда и синяка себе рисовать не нужно, и слезу у зрителей выбить несложно.

Проходя мимо открытого окна библиотеки, девушка услышала грозный голос отца:

— По какому праву вы лишаете меня единственной возможности выйти достойно из сложившегося положения?

В ответ донеслись всхлипывания и несколько тихих, неразборчивых слов.

— Отступитесь! Вы, мать детей моих, просите меня отступиться! — продолжал громыхать папенька. — Да как же можно! Неужели вы не понимаете, что мне теперь дороги назад нет! Как я могу в глаза людям смотреть! В меня же теперь каждый встречный пальцем тыкать будет да подлецом и предателем или, того хуже, — глупцом величать! И по праву! По праву!..

Аннушка ускорила шаги. Ей стало понятно, откуда Николенька почерпнул свои сведения. Голосом Иван Петрович Кречетов обладал прекрасным и дикцией отменной. Такому голосу и дикции любой артист позавидовать мог. Сам же Иван Петрович втайне завидовал известным лицедеям, так как считал себя ни актёрским талантом, ни красотою не обиженным, и единственное, что останавливало его от завоевания столичной сцены, — это чувство собственного достоинства. А поскольку душа его, как и у всякого талантливоего человека, была тонкою и ранимою, то драмы и трагедии разыгрывал он регулярно, но не в театре, а в жизни, перед своими домашними. Каждое происшествие в доме могло превратиться благодаря папенькиным стараниям в событие значительное, даже эпохальное.

Нотации за шалости Николеньке всегда читались с поддвываниями, с хватанием себя за волосы, с признанием себя негодным родителем, загубившим чистую детскую душу своим пагубным влиянием, и завершались бурными потоками слёз Николеньки, папеньки и всех присутствующих при сём акте воспитания. Поэтому, дабы оградить чувствительную папенькину натуру от лишних треволнений, проказы и шалости, учинённые сыном, умалчивались, и чаще всего винов-

ник отделялся мягкими материнскими упрёками и обещаниями «впредь быть хорошим мальчиком и не расстраивать маменьку с папенькой».

Если же Иван Петрович сам, находясь в приподнятом настроении, то есть попросту навеселе, учинял какую-нибудь шалость, то и за пистолет схватиться мог, раскаиваясь. Стрелялся папенька регулярно, раза два, а то и три в год. Правда, нужно отдать ему должное, делал это всегда осмотрительно, озабочиваясь, чтобы при сцене лишения жизни присутствовали свидетели, могущие, а главное — жаждущие его остановить. Обычно после трёх часов рыданий, прочувствованных монологов, прощаний и прощений все участники драматической сцены распозались по своим комнатам с дикой головной болью, но вполне живые и в целом здоровые.

Соседи об этой слабости Ивана Петровича знали, за глаза потихоньку посмеивались, а наименее чувствительные натуры после каких-либо казусов, с ним происшедших, даже об заклад бились, будет Кречетов на этот раз стреляться или посыпанием головы пеплом ограничится. Но в целом относились к нему хорошо, даже любили. Потому как любить соседа, у которого есть безобидные слабости, куда легче, чем соседа идеального, никаких слабостей не имеющего и всем своим существом твои недостатки подчёркивающего.

Аннушка тоже о слабости отца знала, в сценах с пистолетом участвовала не единожды и особого трепета, в отличие от матери, по этому поводу не испытывала. Однако соображение, что в этот раз папенька, похоже, действовал экспромтом, так как не организовал как должно свидетелей, её несколько тревожило. Аудитория, состоящая из одной маменьки, конечно, очень отзывчивая и благодарная, но вот физически помешать

супругу сделать глупость или заставить его одуматься она не в силах. К тому же с прошлого раза ещё и двух недель не прошло, а каким бы чувствительным папенька ни был, даже для него стреляться два раза в месяц — это чересчур. Кроме всего прочего, Аннушка никак не могла припомнить ничего, что могло бы подтолкнуть отца к очередной попытке лишить себя жизни.

Аннушка почти бежала, на ходу перебирая воспоминания о событиях вчерашнего дня. Событий, впрочем, было не так уж и много.

Выходной прошёл на удивление тихо и даже скучновато. Обычно музыкальные вечера у Вяземских бывают куда как веселее. Молодёжь, конечно, развлекалась как могла. Ольга, как обычно, собрала вокруг себя толпу обожателей, среди которых числились и отставной генерал Турчилин, семидесяти лет от роду и трижды вдовый, и Петенька Орлов, всего год как бривший усы и видевший не более шестнадцати зим. Эта разношёрстная компания вызывала улыбку у всех её видевших, за исключением Андрея Дмитриевича, который юмора не оценил, а, напротив, весь вечер был печален и задумчив. Ольгу он на танец пригласил лишь единожды, а всё остальное время простоял в противоположном углу, не отводя от кокетки тоскующего взора, однако, судя по недавней сцене в саду, все недоразумения у них уже разрешились к обоюдному удовольствию.

Сам Иван Петрович вёл себя осмотрительно, вином не злоупотреблял, первую половину вечера беседовал с молодым Миловановым, а вторую коротал с ним же, но уже за карточным столом.

Так и не решив, что могло вызвать сегодняшнюю попытку наложить на себя руки, Аннушка без стука отворила двери библиотеки.

Глава 2

ВЫСТРЕЛ

Сцена, представшая её глазам, вполне соответствовала ожиданиям. Отец возвышался в центре комнаты, а мать стояла перед ним на коленях, молитвенно сложив руки перед грудью. Единственное, в чём, как оказалось, ошиблась Аннушка, — это число участников драмы. За огромным письменным столом расположилась мать Ивана Петровича — Александра Степановна Кречетова, урождённая Лобанова. Вид она имела скорбный, спину держала прямо, а брови насупленно. Больше всего Аннушку удивило и обеспокоило то, что бабушка выглядела семидесятилетней старухой. За прошедшие после своей кончины годы Александра Степановна никогда не являлась на глаза любимой внучке иначе чем в облике молодой, цветущей женщины двадцати пяти — тридцати лет. И вот теперь бабушка наблюдает за разворачивающейся перед ней трагедией, даже пальцем не пытается пошевелить, чтобы прекратить этот фарс, и выглядит так, как выглядела незадолго до своей смерти.

— Бабушка, милая, что произошло? — воскликнула Аннушка, так потрясённая её видом, что даже беспокойство об отце отошло на второй план.

— Анна! — вскричала Татьяна Михайловна, вскакивая с колен. — Как можно? Ты ворвалась без стука! Застала отца своего в попытке оставить меня вдовой, а вас сиротами! Я изо всех сил стараюсь остановить его уже занесённую для удара руку, а ты! Ты! Ты предпочитаешь начать задушевную беседу с призраком! Ты бы ещё здоровьем Александры Степановны поинтере-

совалась! Которая, к слову сказать, даже не сообщила о своём присутствии и не помогла ни мне, ни мужу моему, между прочим, своему сыну!

— Передай этой дурёхе, — выговорила Александра Степановна скрипучим голосом, — что я от них не скрывалась и не пряталась, а ежели у них ни ума, ни сердца не хватает, чтобы меня видеть, то это не моя вина, это беда моя. А ещё передай, что сыну своему я помочь не в силах, коли он до сей поры ума не нажил, так уж, видимо, дураком и помрёт. Да скажи, чем скорее помрёт, тем меньше глупостей наделать успеет. А то ещё пара таких делишек, и пустит вас всех по миру, а себе потом пулю в лоб. Ему что! Его в уютный гроб, а вас на паперть, милостыню просить! Так что скажи этим двум великовозрастным остолопам, что, видно, сына мне в детстве пороть нужно было, как все соседи своих детей пороли. Ну, это мой грех, и я за него наказана. Своими глазами вижу, что из моего ангелочка кудрявенького выросло, да исправить уже ничего не могу. А вот матери твоей, тебе, твоим сестре и брату я помогаю! Тем, что не вмешиваюсь. Могла бы — сама на курок надавила бы, а то эдак-то он и к вечеру не застрелится, а может, и вовсе передумает... А что натворил сыночек мой ненаглядный, пусть они тебе сами расскажут.

С этими словами старушка поднялась, скрипнув не то суставами, не то стулом, и величаво выплыла из комнаты, просочившись сквозь шкаф с любовными романами. Пересказать её монолог матери Аннушка не решилась, сказав лишь, что бабушка пребывала в великом расстройстве и сейчас, дождавшись подоспевшей помощи, удалась. Татьяна Михайловна вздохнула, покачала головой, повернулась к мужу и сказала:

— Душа моя! Ну, видишь ты, каким мучениям подвергаешь родных своих! Отступишь! Сделай милость. Ведь не бедствуем, не голодаем. Всё выправится ещё. Может, Милованов деньгами стоимость имения взять согласится.

Иван Петрович, молча и недвижимо простоявший в продолжение всего разговора, при этих словах встрепенулся. Видно, что мысль эта ему в голову не приходила, лицо его озарилось надеждою. Он забегал от одной стены к другой, выкрикивая:

— Непременно предложу! Непременно согласится! Разве же можно, чтобы не согласился!

Аннушка вспомнила, что не далее как неделю назад в руки Ивана Петровича попал некий перстенёк, который он с пафосом величал «атрефакт». Серебряный перстенёк с невзрачным камушком бурого цвета выглядел сущей безделицей, но Иван Петрович взирал на него чуть ли не благоговейно и всем домашним говорил, что ценность его не в презренном металле да не в камне заключается, а в том, что обладает этот перстенёк неким магическим свойством.

Папенька долго и нудно говорил о свойствах колечка, к месту и не к месту перемежая свою речь словами: «эмпирически», «резонанс» и «кодентсатор». Речь эта произвела огромное впечатление на маменьку и сильно рассмешила Аннушку. Ольга и Николенька в этот момент были заняты своими мыслями, поэтому ораторских талантов папеньки оценить не смогли.

За всей словесной мишурой, которой папенька украсил своё выступление, Аннушка всё же смогла разглядеть суть, которая сводилась к следующему: перстень приносил своему владельцу небывалую удачу в делах азартных, связанных с шуткой, денежным риском,

игрой и различными спорами. Всю неделю папенька занимался тем, что проверял действенность перстня, в гостях играл на деньги, хотя ранее за карты садился редко, заключил три пари с нелепыми условиями. Удача ему сопутствовала невероятно. Маменька пару раз робко пыталась высказать мысль, что, возможно, будет лучше играть с людьми, у которых тоже такие перстеньки есть, или же свой на время игры снимать. Папенька в ответ потирал руки и говорил, что поступает так не обогащения для, а науки ради, что не корыстные интересы преследует, а эксперимент проводит. Увидев вчера отца рядом с Миловановым, Аннушка поняла, что эксперимент достиг своей кульминации.

Приезд богатого соседа всегда является событием для провинциального жителя, а приезд соседа не просто богатого, а к тому же неженатого можно смело относить к событиям эпохальным. Весть о том, что молодой Милованов наконец-то прибудет в родную усадьбу, облетела всю округу месяца за два до его возвращения. Михаил Николаевич покинул родной дом ещё юношей, и с тех пор о нём доходили лишь невнятные слухи. Многие соседи ждали, что он вернётся домой, когда представился его батюшка Николай Игнатьевич Милованов, но молодой человек в это время жил где-то за границей и на похороны не успевал. После возвращения на родину он также не торопился явиться в дом своего беззаботного детства. Его уже, признаться, и не ждали, но вот, по прошествии нескольких лет, он всё же таки вернулся.

Михаилу Николаевичу было лет тридцать — тридцать пять. Был он высок, черноволос, бледен и мрачен, а потому вначале произвёл сильное впечатление, особенно в кругу барышень, но Михаил мало ими занимался.

Напротив, всячески избегал общения даже с признанными уездными красавицами. Когда же был вынужден обращаться к кому-нибудь из них, держал себя крайне надменно, с насмешкою, а иной раз и зло. Первое время его извиняли тем, что он, видно, глубоко переживает какую-то личную драму, возможно, даже измену. Со временем число барышень, подвергнувшихся его насмешкам, росло, оправдания становились всё менее пылкими, и наконец, спустя два месяца после начала его деревенской жизни те же самые девицы, которые ранее сходили по нему с ума, дружно утверждали, что такого грубияна не следует пускать в приличное общество. Родители же их, напротив, улучшили о нём своё мнение. Если до знакомства с молодым человеком они ожидали увидеть пустого повесу и мота, не имеющего почтения к родителям и не соизволившего даже проводить отца в последний путь, то, несколько узнав, нашли его серьёзным молодым человеком. Поэтому двери общества и не думали закрываться перед носом насмешника, как бы того ни хотелось некоторым барышням.

Кроме высокого роста, интересной бледности и склонности к сарказму, у Михаила имелась ещё одна занимательная черта. Удача буквально преследовала его во всех делах и начинаниях. Говорили, что особенность эту даровали ещё его прапрадеду, во время поездки по чужбине. Ходили слухи, что тому удалось оказать какую-то услугу, а всего вернее, от смерти спасти самого короля лепреконов, за что тот и наградил удачливостью героя и всех его потомков.

Вот эта самая черта и привлекла внимание Ивана Петровича. Пытаясь испытать свой перстенёк удачи, он засел вчера за карты с Миловановым, а, судя по тому, что, возвращаясь домой, был Кречетов хмур и молча-

лив, перстенёк оказался не всесильным и проигрался Кречетов весьма значительно.

Аннушка это ещё вчера поняла, но, зная, что скупость никогда не была свойственна отцу, подумала, что расстроился он скорее от разочарования в новой игрушке.

Игрушки, привязанности, склонности часто появлялись в жизни Кречетова, и столь же часто случались с ним и разочарования. Каждое такое разочарование неизменно ухудшало настроение папеньки на несколько дней, а то и недель, но никогда не было причиной его знаменитых самоубийственных сцен.

До сегодняшнего дня.

Забывтый пистолет болтался и подпрыгивал в руке Ивана Петровича в такт шагам. Мать и дочь с интересом следили за прыжками и покачиваниями ствола.

На десятом круге Ивана Петровича по библиотеке пистолет дёрнулся особенно экспрессивно и выстрелил. В очередной раз застыв в центре комнаты и резко прекратив своё бормотание, Иван Петрович с укором и недоумением смотрел на тонкую струйку дыма, поднимающуюся из дула и рассеивающуюся где-то на середине пути к потолку.

Спустя мгновение после грохота выстрела в коридоре раздался звон разбившейся посуды и истошный женский визг:

— Застрелилси-и-и горемычны-ы-ый!

В тот же миг из книжного шкафа появилась голова Александры Степановны. Старушка обвела комнату затуманенным болью взором, который, впрочем, быстро прояснился, остановившись на Кречетове, удивлённо разглядывавшем свою руку и пистолет в ней. Александра Степановна радостно заулыбалась, но, тут же взяв

